

Личность в контексте культуры

Клэр Данн

**КАРЛ ЮНГ:
ИЗРАНЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ДУШИ***
(перевод с английского Алексея Лисогора)

Учеба

Так и не решившись доверить кому-либо свои «тайны», вторая личность молодого К. Юнга (та, которая «от Господа» и «вечной жизни») начала все острее чувствовать свое одиночество, чем не замедлила воспользоваться, выйдя на авансцену, первая личность. Ощувив необыкновенный подъем, Карл с жадностью поглощает одну за другой книги по философии, перестает ходить в церковь, но усиливает напор на отца в споре о вере, и наконец в 1895 году с помощью гранта поступает в Базельский университет.

В этот же год, буквально сгорев за пару месяцев, впавший в депрессию от страшного приговора – рак!.. – Поль Юнг умирает на руках сына. Смерть отца и взваливание на свои плечи ответственности по содержанию семьи высвобождает нечто новое в юной 19-летней душе молодого человека. Много позже он даст имя этому нечто: *persona*, т.е. образ; а поэт Йейтс окрестит маской. Надев эту маску-образ, К. Юнг в глазах своих сокурсников изменится до неузнаваемости. Библиотечный червь, деревенщина Карл внезапно с головой бросится в бурный водоворот веселой разгульно-разбитной студен-

* *Dunne C. Carl Jung: wounded healer of soul. An illustrated biography. N.-Y.: Parabola books, 2000.*

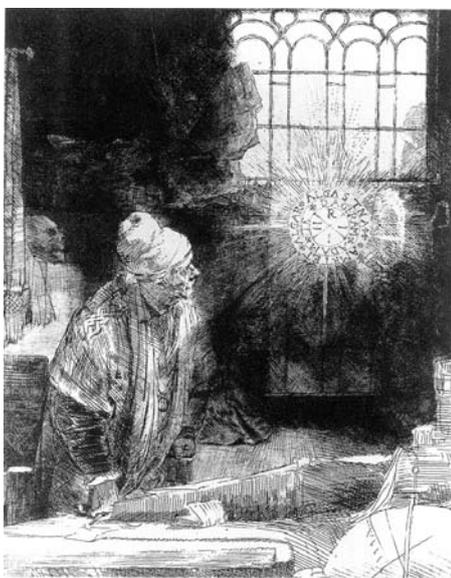
Продолжение. Начало: Развитие личности. 2007. №2. С. 233–247.

ческой жизни и, как воспоминает Альберт Оэри, прославится своим прозвищем «Баррель» (так в обиходе называют деньги, предназначенные для финансирования какой-либо компании).

Карл практически не пил и еще реже когда позволял себе напиться, но уж если такое происходило, то не сыскать было больше другого такого развязного оторвы, как ким сразу становился он. Опрокинув рюмку-другую, он с ленцой в голосе начинал болтать о девчонках и прочей сопутствующей ерунде, не помышляя ни о каких там танцах. Отличный танцор в нем просыпался только тогда, когда он изрядно набирался. Однажды на одной из вечеринок в Зофингене <...> он с первого взгляда влюбляется в хорошенькую француженку, приглашает ее на первый тур и затем до упаду танцует с ней весь вечер. На следующее утро он отправляется прямоком в ювелирную лавку, где, выбрав два обручальных кольца, кладет на стойку 20 сантимов, благодарит продавца и, повернувшись, собирается было уходить со своей покупкой, как продавец, заикаясь от такой неслыханной наглости, останавливает его, говоря, что, мол, эти кольца стоят столько-то сотен франков. Делать нечего – Карл отдает обратно кольца, хватает свои медяки и уходит прочь из лавки, на ходу осыпая проклятиями и ругая на чем свет стоит хозяина, который посмел сорвать его

помолвку только лишь потому, что у него, Карла Юнга, нет, видите ли, других денег кроме этих жалких 20-ти грошей. Новоявленный жених был очень стеснен в средствах и хотя с тех пор он перестал помышлять о женитьбе, тем не менее, прозвище «Боррель» накрепко прикипело к нему на многие годы [1].

«Интеллектуально живые» и «время дружбы» – так потом отзывался К. Юнг о своих студенческих годах. Полностью переключившись от мира грез к реальности, он усердно занимается изучением медицины и философии, увлекается археологией и историей. Много читает и соглашается с Платоном, Гераклитом и Эмпедоклом; не принимает аристотельский интеллектуализм Фомы Аквинского и Скулмена; чувствует «дыхание жизни» в Мейстере Экхар-

Фауст в своем рабочем кабинете.
Гравюра Рембрандта Ван Рейна,
XVII век. «Две души, увь! Живут в моей душе!», Гете, Фауст, Часть 1.

те, а Шопенгауэра и Канта считает откровенно слабыми. Получает глубочайшее впечатление от гетевского «Фауста», который вновь пробуждает в нем проблему конфликта противоположностей. А книги Крукса, Зольнера и в особенности семитомник Сведенборга только укрепляют его в мысли, что это психическое явление выделяется в новую отдельную сферу, заслуживающую того, чтобы всю свою жизнь положить на ее изучение.

Хелен Прейсверк.
Кузина Юнга, которая была медиумом на сеансах, посещаемых семьей. В трансе она описывала мандалу, которую затем рисовал Юнг

Жадно читая самые разнообразные книги, он видел, что помимо само собой разумеющихся «таинственных историй», услышанных им в детстве (о предсказывающих смерть вещей снах; о часах, остановившихся в момент ее прихода; о животных, чувствующих приближение землетрясений; о приведениях и т.д.), по всему земному шару в самых разнообразных обществах происходят одни и те же психические инциденты, гораздо более серьезные. История семьи Юнгов насчитывала не одно поколение психически восприимчивых людей. Медиумом была и Хелена Прейсверк, кузина К. Юнга, помогавшая ему в спиритических сеансах, во время которых ему было чему удивляться: однажды совершенно необъяснимым образом развалился массивный стол, в другой раз нож, лежавший в ящичке буфета, оказался сломанным в трех местах.

Все это не могло не навести молодого человека на определенные размышления.

Мои наблюдения за спиритами, за этими непонятными, одновременно сверхъестественными и сомнительными, как казалось мне, людьми явились первым явным свидетельством того, что да, я действительно вижу очевидный и реальный психический феномен. <...> Такие человеческие возможности я нашел весьма интригующими и притягательными для себя. Они добавили новый аспект, новое направление к моей жизни, а мир приобрел глубину и подноготную [2].

Чем обернулось это новое увлечение для К. Юнга, очень хорошо наблюдали его друзья:

«Вот увидите, он скоро станет еще и великим сказочником», – сказал со смехом один из нас. Смех смехом, но когда Карла не воспринимали всерьез либо не понимали, он гневался, обижался и даже мог посчитать себя оскорбленным [3].

На мой взгляд, изучая спиритическую литературу и ставя разнообразные соответствующие опыты, Юнг пришлось тем самым сдавать своеобразный суровый экзамен на личное мужество и отстаивать свои убеждения, пока они сами собой не поменялись у него по дальнейшему изучению психологии. Но тогда он был готов бороться с официальной наукой тех людей, которая вместо того, чтобы исследовать оккультные явления и попытаться дать им объяснение, просто-напросто категорически отрицала их существование [4].

Свою работу на степень доктора К. Юнг озаглавил «К вопросу о психологии и патологии так называемых оккультных явлений», избрав в качестве объекта исследования свою кузину Хелен, чьи способности медиума первыми подтолкнули его в направлении к будущему открытию подсознания. В автобиографии он подробно излагает, как буквально разрывался пополам в то время:

Что мне нравилось в науке, так это точные конкретные факты и их историческая подоплека, в религии – духовные вопросы, к кругу которых также принадлежала философия. Но в науке мне остро не хватало смыслового фактора, а в религии – эмпиризма. Как бы то ни было, наука удовлетворяла, причем в очень большой степени, запросы моей личности № 1, тогда как личность № 2 насыщалась историей и гуманитарными дисциплинами.

И очень долгое время маялся я как неприкаянный между этими двумя полосами, incapable окончательно остановиться на чем-то одном [5].

Так что же выбрать для своей дальнейшей профессиональной специализации? Как умудриться совместить свои разнообразные интересы в одном единственном предмете? Ответ он находит на страницах книги Крафта Эббинга, которая сразу и безошибочно указала ему на презираемую область психиатрии.

Мое сердце вдруг замерло, а затем бешено заколотилось, да так сильно, что мне пришлось, отложив книгу, встать из-за стола и сделать пару глубоких вдохов. Вспышка зажгла меня крайней степенью возбуждения, поскольку мне стало ясно: моя единственная цель отныне –

Перспектива.

Акватинта Жоржа Руо, 1938. Между двух крайностей: науки и религии, расположена психиатрия, «место, где противоречие природы и духа обретало реальное воплощение»

психиатрия. Вот где два потока моих полярных интересов наконец-то сольются воедино в одну бурную реку и станут прокладывать свое новое русло. Вот где эмпирическое поле является одним общим и для биологических данных, и для духовных явлений, которое я всюду искал и никак не мог нигде найти. Да, именно здесь будет то место, где коллизия природы и духа станет реальностью [6].

Преподаватели и сокурсники отреагируют на его выбор «с изумлением и разочарованием». Он снова – в который уже раз! – почувствует себя белой вороной. «Старая рана» <...> вновь дала о себе знать, – напишет он однажды, но годы учебы только укрепят в нем уверенность в правильности своего выбора, и спустя время он сможет добавить: «Но теперь я понимаю, почему».

Первые годы работы

Диплом Юнга (1900) Бургхельцкой клиники Цюрихского Университета. Юнг говорил, что он гарантировал ему нормальное существование во время внутреннего конфликта

Получив в 25 лет свою первую незначительную должность в Цюрихском Бергхольц госпитале, К. Юнг вступает, по своему выражению, «в годы ума». Весьма быстро пройдя вверх по служебной лестнице, через некоторое время он становится уже заместителем директора больницы и заодно начинает читать лекции в университете Цюриха. Его инновационная работа по *dementia praecox* (шизофрения) вмиг обращает на себя внимание (особо в Америке), принося ему первых своих пациентов.

Молодой двадцатипятилетний врач начинает прямо с первого своего рабочего дня в больнице по особому относиться к больным и их психическим расстройствам. В отличие от большинства практикующих врачей того времени, пропускавших мимо ушей бред больного, он действительно стал внимательно выслушивать абсолютно каждого из своих пациентов, особо отмечая для себя контекст их фантазий; кроме этого обсуждал с ними их сны и грезы, развивая в процессе лечения метод словесных ассоциаций.

Жгучий вопрос «А что в действительности происходит внутри душевнобольного?» был доминирующим в моих исследованиях. <...> Психиатров вообще не интересовало, что там им лопочет «псих» – им бы диагноз побыстрее поставить, да симптомы описать, статистику еще подбить и – ладушки. С клинической

точки зрения, которая тогда превалировала, человеческая личность больного, его индивидуальные черты и особенности вообще не принимались в расчет. <...> Механически утверждая диагнозы, пациентов разносили по категориям, что в большинстве случаев и определяло дальнейшее лечение. Психология душевнобольного вообще не играла никакой роли [7].

Из работы с больными я вынес, что параноидальный бред и галлюцинации все же содержат в себе крупницу смысла. За психозом человека кроется его личность, его история жизни, его система чаяний и устремлений. И виноваты только мы, что не понимаем их. <...> Заглянув в душу умственно больного, мы не найдем там ничего нового и неизвестного нам: наоборот, скорее всего мы наткнемся там на субстрат наших собственных натур [8].

Насколько это возможно, с каждым пациентом я работаю индивидуально, потому что решение проблемы в каждом конкретном случае тоже всегда индивидуально. Универсальные правила и методики тут не годятся. Истин в психологии много, а не одна единственная. Например, решение, которое для меня ни в коем случае не приемлемо, отлично подойдет кому-то другому. <...> Вся соль в том, что я противостояю пациенту как один человек другому [9].

Не симптомы нужно лечить, а личность. Не спрашивать: «На что жалуетесь?», а следует задавать такие вопросы, которые бросят вызов именно всей целой личности [10].

Эмма

В своей автобиографии К. Юнг прямо говорит, что самой сильной стороной его натуры была «необузданная тяга к пониманию всего и вся», а свою собственную психологию прежде всего он определял как интуитивно-интеллектуальную. Да, великая способность интуитивного познания всего того, что пронизывает наше бытие, была наиболее характерной чертой как личной, так и профессиональной его жизни. Вот и со своей будущей женой он познакомился аналогичным образом: ему шел 22-й год, когда однажды, придя по делам в один дом, на одной из лестничных площадок он

Свадебная фотография
Карла и Эммы Юнг, 1903.
На момент свадьбы Эмме был 21 год,
а Юнгу – 28 лет

случайно бросил взгляд на 14-летнюю школьницу с двумя косичками. И словно молнией его тут же пронзила мысль: «*Это моя жена!*»

Я ведь видел ее всего лишь какой-то краткий миг, но и этого времени оказалось достаточно, поскольку уже в следующую секунду я знал абсолютно точно, что она станет моей женой [11].

Парадная дверь в дом Юнга в Кюснахте.
Над дверью надпись:
«Проси или не проси – Бог будет с тобой»

Шесть лет спустя Эмма Раушенбах, отклонив сперва первое предложение руки и сердца молодого доктора, на второе дает свое согласие выйти за него замуж. Их неопубликованные любовные письма, по словам одного исследователя, «романтически прекрасны и полны сентиментального очарования». В браке, заключенном в 1903 году, у них рождается пятеро детей: четыре дочери и сын.

Эмма была спокойной, уравновешенной, умной девушкой, поэтому нет ничего удивительного, что спустя короткое время она становится мужу профессиональной помощницей во всех его делах. Обаятельными манерами, веселым нравом и своей непринужденностью она покоряла любое общество. Ее богатое приданое, полученное от родителей-мануфактурщиков, позволило молодому К. Юнгу навсегда распрощаться с тяжкими временами

бедности. Вскоре молодые переезжают в Кюснахт, в новый, только что выстроенный для себя дом, где над парадной дверью К. Юнг приказал высечь в латыни слова Дельфийского Оракула: «*Vocatus atque non vocatus deus aberit*».

Опубликованные же письма К. Юнга к жене большей частью содержат в себе живые, яркие впечатления о своих поездках по миру, с изрядной долей юмора и очень выразительно повествующие обо всем увиденном, о новых людях, достопримечательностях и красотах природы. А вот этот отрывок взят из письма, которое он писал Эмме с борта парохода «Кайзер Вильгельм II» на пути из Америки в Европу через штормовую Атлантику:

Время от времени весь корабль содрогается от ударов, словно на него обрушивается не волны, а гигантский

кузнечный молот. Абсолютно все до единой вещи в моей каюте проснулись и зажили своей жизнью: вот снова мимо меня проползла по полу упавшая с дивана подушка; лежащий на боку ботинок вдруг встал на каблук, огляделся в изумлении по сторонам, словно спрашивая у меня, что, мол, происходит, из-за чего такой беспорядок, затем опять опрокинулся навзничь и медленно заехал под диван; его брат, стоящий как ни в чем не бывало в нормальном положении – на подошве, тоскующе повел носком влево-вправо и, заметив товарища, тоже мышкой юркнул к нему. Вот опять очередная волна ударяет о борт, опять раздается страшный грохот, испугавшись которого они высунули свои мордочки из-под дивана. Ага! Оказывается, не прятаться стали они там от шторма, как уж было я решил, а просто сходили за портфелем и сумкой, и сейчас они все вчетвером под оглушительный барабанный бой, доносящийся из ящичков комода, парадным шагом маршируют друг за другом к рундуку под койкой. Валяющаяся на диване рубашка подковыляла ближе к краю и, свесив с него левый рукав, печально замахала вслед всей честной компании. Ого-го! Что это? Какой-то ужасный удар вдруг раздался под полом (там кухня ниже палубой), перешедший секундой спустя в нескончаемый треск, грохот посуды и звон разбитого стекла. Представляешь, это пятьсот тарелок, вдруг вмиг пробудившись от своего мертвого оцепенения и стряхнув с себя всю апатию и безразличие одним смелым и решительным прыжком положили конец своему рабскому существованию. А из всех соседних кают доносятся просто непередаваемые утробные стоны, разглашающие попутно тайны вечернего меню. Спать мне приходилось чуть ли не в вертикальном положении, но наконец к утру ветер переменял направление и стал стихать. <...>

Что может сказать человек, находясь посреди безбрежного океана под куполом бездонного звездного неба? Отказавшись от всякого важничанья, он просто молчаливо смотрит в безграничную даль, следя за чередой проносащихся в уме милых сердцу образов и дорогих слов, краем уха прислушиваясь к доносящемуся откуда-то со стороны тихому голосу, говорящему что-то о вечности и бесконечности «вздыбающегося до небес рассерженного моря», о «волнах моря и любви», о мифической прекрасной богине, из пены бушующих волн появившейся перед утомленным плаванием Одиссеем, и подарившей ему свой украшенный жемчугом покров,

при помощи которого тот спасся от свирепого шторма, насланного разгневанным Посейдоном. Море – словно музыка: оно принимает в себя все мечты души человека и затем озвучивает их. Красота и грандиозность моря в том, что оно принуждает нас снизойти на плодородные земли дна наших душ, ибо там и только там мы сталкиваемся сами с собой и изменяем себя. <...> [12].

(Продолжение следует)

1. *Wehr op. cit.* P. 58–59.
 2. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 9–210.
 3. *Wehr op. cit.* P. 74.
 4. *Jung's Last Years* by Aniela Jaffe. Dallas, Tex.: Spring Publication Inc., 1984. P. 2
 5. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 72–73.
 6. *Ibid.* P. 108–109.
 7. *Ibid.* P. 114.
 8. *Ibid.* P. 127.
 9. *Ibid.* P. 131.
 10. *Ibid.* P. 117.
 11. *Wehr op. cit.* P. 91.
 12. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. New York: Vintage Books, 1989. P. 370, Appendix 2.
-

